

Интервью с Александром Владимировичем ДУКОЙ

«У МЕНЯ БЫЛО НАСТОЯЩЕЕ “КОММУНИСТИЧЕСКО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ” ВОСПРИЯТИЕ МИРА»

Дука А. В. — окончил философский факультет Ленинградского государственного университета (1981 г.); кандидат политических наук (1995 г.); Социологический институт РАН (2001 г.), заведующий сектором социологии власти и гражданского общества (2004 г.), доцент кафедры теории и философии политики, СПб Университет. Основные области научного интереса: властные элиты, политическая культура, политический дискурс, гражданское общество.
Интервью состоялось: октябрь 2014-февраль 2015 г.

Последняя треть марта 2015, прошло полтора месяца после того, как на сайте проекта было размещено сотое интервью. Беседы на закончились, но все равно у меня есть ощущение конечности этого процесса и все чаще и концентрированнее приходится размышлять о будущем, когда я постепенно буду входить в анализ собранной информации. Сейчас — переходный период, я осознал его начало в конце января этого года, но сложно сказать, когда он завершится. Скорее всего, можно лишь говорить о признаках окончания этого этапа: полностью прекратятся интервью, в общих чертах сложится концепция исследования истории российской / советской социологии на базе воспоминаний ее создателей, будет опубликована серия статей (блогов) и станет возможным написание книги.

Вводки в интервью, которыми они сопровождаются при публикации, это — традиция, возникшая при публикации самого первого интервью с Б. М. Фирсовым, которое было проведено в 2004 году и опубликовано в начале 2005 года:

С одной стороны, беседа с Борисом Максимовичем Фирсовым — это фрагмент нашего многолетнего разговора обо всем, с другой, — начало всей серии интервью по электронной почте с российскими социологами.

Почти двадцать лет мы работали вместе, и мне всегда это было интересно. Мы встречались утром, зная, что предстоит сделать в течение дня, нередко работали вместе много часов, надолго задерживались на работе, продолжали наши дискуссии по дороге на метро и уже из дома обменивались телефонными звонками, чтобы уточнить детали грядущего дня. Фирсов всегда был моим руководителем. Когда мы познакомились, мне было немногим более тридцати лет, и по опыту жизни я во всем ему уступал. Но никогда он не давал мне повода, даже легкого намека воспринимать себя как подчиненного, а его — как начальника. Мой отъезд в Америку в 1994 году лишь увеличил физическое расстояние между нами и сделал еще более приятными и памятными каждую из наших встреч. Их было уже несколько в России и пока одна — в Америке [1].

Но в начале текущего года произошло новое понимание-назначение этих служебных текстов, они стали восприниматься мною как «зона свободы». Они увеличились в объеме, и возникло желание рассматривать в них темы, во-первых, соотносимые с биографией и творчеством моих коллег, и, во-вторых, вытекающие из моего видения возможных направлений будущего анализа собранной информации.

Первая тема прорабатывается давно, более того, она и породила данное историко-социологическое исследование. Я уже писал, что оно стало продолжением, развитием, перенесением на «российскую почву» опыта, приобретенного при изучении становления и развития американской технологии опросов общественного мнения и творчества первых полстеров и классиков американской рекламы. Кроме того, импульсом, запустившим изучение истории отечественной социологии, стала работа над биографией Б.А. Грушина, в которой соединялся мой интерес к советской социологии и к методологии (технологии) изучения общественного мнения [2].

Пока количество проведенных интервью было небольшим, невозможно было на их базе начинать историко-биографические исследования, к тому же обнаруживались явные сложности «портретирования» живых, продолжающих активно работать ученых. Вместе с тем было стремление не замыкаться на сборе интервью, чтобы лишь потом, когда-нибудь использовать эту информацию, но по-возможности скорее прорабатывать концепцию, технологию и стиль историко-биографического анализа. Так, в «Телескопе» №2 за 2005 год, в котором публиковалось второе проведенное интервью, моим собеседником был Я. И. Гилинский, был размещен и историко-социологический материал о Я. С. Капелюше (1937–1990), ближайшем сотруднике Грушина [3]. Здесь я опирался не только на собственные воспоминания, но просил написать о Капелюше Б. А. Грушина и профессоров Л. Н. Федотову и А. И. Пригожина.

Персонализированной была и первая собственно историко-социологическая публикация, в которой я обозначил мою исследовательскую установку как создание истории с «человеческим лицом». В ней суммировались некоторые итоги первых двух лет работы, когда уже было проведено несколько интервью, но героем статьи снова был не действующий социолог. В фокусе внимания были жизнь и ряд аспектов вхождения в социологию Г. В. Старовойтовой (1946–1998) [4]. Там же я нашел уместным кратко рассмотреть и биографию В. Б. Голофаства

(1941–2004). Через год его жизнь и отдельные грани его профессиональной деятельности были обсуждены полнее в рамках той же концепции, что и биография Старовойтовой [5].

Постепенно сформировался мой взгляд на интервью, более широко — на работу с биографиями как на реальное или мысленное общение с моими героями; в конце 2007 года этот подход обсуждался в диалоге с В. А. Ядовым [6]. Прошло много лет, но я ни разу не рассматривал в своих публикациях факторы, обстоятельства, которые сближают меня с респондентом и делают наше общение не «механическим», а «человеческим».

Но одна, с первого взгляда кажущаяся незначительной деталь беседы с Александром Владимировичем Дукой подтолкнула меня к попытке анализа этой темы. Об этой «мелочи» — позже, а сейчас — о более общих обстоятельствах.

Прежде всего (2005–2006 гг.) мною были проведены и опубликованы интервью с ленинградскими социологами: А. Г. Здравомысловым, Я. И. Гилинским, Л. Е. Кесельманом, Р. С. Могилевским, Е. Э. Смирновой, Б. М. Фирсовым и В. А. Ядовым. Здесь бессмысленно говорить об отдельных факторах, определявших атмосферу, характер моего общения с ними. Для меня это была радость новой встречи с людьми, которых я знал десятилетиями до отъезда в Америку; задавая им вопросы и получая их ответы, я на какой-то миг возвращался даже не в Петербург, а в Ленинград. На момент интервью Здравомыслов и Ядов были москвичами, но, конечно, не для меня.

В 2006 году я робко вышел за пределы знакомого мне ленинградского сообщества. Моим первым не ленинградским собеседником был Д. Л. Константиновский, с которым ранее я виделся не более двух раз в Москве. Возможно, в то время я и не начал бы интервью с ним, но так сложилось.

4 июля 2001 года интервью с ним провел Геннадий Семенович Батыгин. В силу каких-то причин текст не был сразу опубликован в издававшемся им «Социологическом журнале», а в начале июня 2003 года Батыгина не стало. Журнал возглавил Константиновский, который по понятным причинам воздерживался от публикации своего интервью. В конце лета 2005 года мне стало известно о существовании беседы Батыгина и Константиновского, и я предложил Давиду Львовичу «нарастить» старый текст его ответами на мои вопросы. Но не только желание доделать и опубликовать интервью, начатое Батыгиным, побуждали меня к разговору с Константиновским. Во-первых, как и я, он пришел в социологию из математики; во-вторых, мне хотелось поговорить с ним о Владимире Николаевиче Шубкине. В то время он уже был тяжело болен, и у меня не было ни возможности, ни перспектив пообщаться с ним лично.

Вторым не ленинградцем стал Владимир Эммануилович Шляпентох. В преамбуле к интервью было сказано, что оно — далеко не случайно, что нас многое объединяло:

С Владимиром Шляпентохом я знаком очень давно, и нас связывает многое, что в жизни важно ему и мне. Мы оба работали в Институте социологических исследований АН СССР, только он — в Москве, а я — в ленинградском отделении. В те годы его и меня интересовали методические проблемы изучения общественного мнения. В 53 года он уехал из СССР в Америку; пусть в силу иных причин, но в том же возрасте в ту же страну уехал из России я. У нас много общих друзей-коллег, живу-

щих в России и продолжающих активную работу в различных областях социологии. Наши взгляды на развитие российской социологии, на исследование общественного мнения, на политические реалии страны, нередко различны, но нас объединяет интерес ко всему, что происходит в России. Потому и беседа наша, хотя носила биографический характер, охватила множество вопросов развития советской/российской социологии с начала ее возникновения и до сегодняшних дней...» [7].

Первым моим собеседником, которого в начале беседы я не знал лично, был Александр Бенцианович Гофман. Но уже к тому моменту меня с ним связывало многое. Еще в 1999 году я познакомился с Гофманом как автором небольшой, но емкой книги «Семь лекций по истории социологии». Я купил ее в Петербурге и не отрываясь прочел за время перелета в Сан-Франциско. В начале лета 2005 года В. А. Ядов познакомил меня заочно с Александром Гофманом, указав его среди наиболее успешно работающих «шестидесятилетних» социологов: «Он блестящий ученый, который сейчас несколько отошел от занятий историей социологии и тонко исследует особенности миросистемных, но прежде всего российских трансформаций под углом зрения социокультурных процессов. Его «Семь лекций» по истории теоретической социологии студенты считают наилучшим пособием». Лишь в конце того же года, будучи в Институте социологии, я попросил С.В. Чеснокова представить меня Гофману. Он воскликнул: «Как, ты не знаешь Сашу Гофмана?». Так состоялась наша личная встреча. В ходе интервью выяснилось, что мы почти ровесники, что его студенческие годы прошли в Ленинграде, что его наставником был И. С. Кон и открылось множество других обстоятельств, облегчавших наше общение.

Новые по своей природе сложности в организации общения появились в 2013–2014 гг., когда я начал интервью с представителями шестого и — особенно — седьмого поколений. Возраст младших — от 20 до 30 лет; т.е. между нами — значительное возрастное различие и, соответственно, мало историко-социальных событий, обычно связывающих людей одного или близких поколений. К тому же, представители седьмого поколения социализировались в годы, когда я уже жил в США, так что я недостаточно знаком с контекстом их жизни. Но и здесь находятся какие-то «зацепки». Приведу один пример.

В опоре на мнения специалистов и узнав из веб-сети, что Айгуль Мавлетова, социолог седьмого поколения, защитила кандидатскую диссертацию по онлайн-новым опросам, 7 января этого года я написал ей письмо. Сообщил, что давно интересуюсь развитием онлайн-опросных технологий и свыше десяти лет занимаюсь историей советской/российской социологии на базе глубинных интервью, проводимых по электронной почте. И закончил мое письмо словами: «Буду рад, если Вы согласитесь рассказать мне о себе и своей работе». На следующий день я получил ее ответ:

Уважаемый Борис Зусманович, Очень радостно и волнительно получить от Вас письмо! Спасибо! Да, конечно знаю Ваши работы. Вы мне даже книжку на Всероссийском социологическом конгрессе подарили (точнее я выпросила) «Реклама и опросы общественного мнения в США». По-моему, это был 2008 год. Я рассказала, что интересуюсь онлайн-опросами, попросила Вас подписать книгу, и Вы написали под своей фотографией «Айгуль,

онлайн-опрос — есть!». Так-то вот. Буду очень рада принять участие в проекте. Пожалуйста, напишите, что от меня необходимо. С уважением, Айгуль

Так что оказалось, что мы давно знакомы с Айгуль.

Можно и дальше рассказывать о факторах «смягчения» характера интервью, но я возвращаюсь к тому, что высветила, обнаружила беседа с Александром Дукой. В общем случае я пока назвал бы этот фактор «географическим», имея в виду пространство, в котором расположены те или иные фрагменты траектории жизни моих собеседников и моей собственной. Если выше, когда я говорил о «близости», то подразумевал — общесоциальную, поколенческую, профессиональную, то здесь — пространственную, или социально-экологическую.

Рассказывая историю своей семьи, Дука отметил: «... бабушка всю блокаду проработала в Ленинграде, жила на Тверской улице, рядом со Смольным». Эти его слова не оставили меня равнодушным, Вот мой следующий вопрос: «... Тверская, Кировная, та часть Суворовского — мой родной район. Я жил в большом доме по Мариинскому проезду (замечу, он так всегда назывался), который соединяет Кировную, почти сходясь там с Таврической, и Кавалергардскую (раньше — ул. Красной конницы). Вы и в школу ходили в том же районе?...». Вскоре пришел ответ: «Калужский переулок, Мариинский проезд — места детских гуляний и игр с друзьями. Наряду с Таврическим и Смольным садами, окрестными дворами. Жили мы (мама, бабушка и я) в доме 23 по Тверской. В 1908 году в этом доме жил Петр Бернгардович Струве. Но об этом я узнал гораздо позже, позже того, как он стал одним из почитаемых мною авторов. Я ходил в 154-ю школу, что на углу Тверской и Красной конницы с 1 по 8 и 10 класс».

“Bingo!” — возглас американца, часто означающий, что все сходится, и я начинал учиться в этой школе. И это ничего не значит, что я на 14 лет старше и мы не могли встретиться в школе; здесь — безусловный примат пространства над временем. После этого «открытия» я беседовал с человеком, который приобрел в детстве, юности близкий к моему пространственно-экологический опыт. Я не говорю и даже не подразумеваю, что это опыт детерминировал близость траекторий нашего дальнейшего развития, но он нечто изменил во мне как в интервьюере, по-новому связал меня с моим собеседником.

Так получилось, что несколькими днями раньше или позже, чем я получил приведенную информацию от Дуки, начинало завязываться интервью со Светланой Владимировной Лурье, она сообщила мне: «... родилась я и жила первые пять лет в доме на углу Таврической и Тверской, в том самом доме, где башня Вячеслава Иванова. Правда, в другой парадной. А в той самой парадной с башней находился мой детский сад. Так что раннее детство мое прошло в Таврическом саду». Для не знающих город замечу, что это именно тот же небольшой уголок старого Петербурга (заметьте, там жили Струве и Вяч. Иванов), который назвал Дука.

Вот моя реакция на сообщение Светы: «Очень приятно здесь, за океаном, в крошечном калифорнийском городе, 30 000 человек, Foster City встретить не просто ленинградку, но буквально соседку, я жил в Мариинском проезде и ходил в магазин в «дом с Башней». И далее, обмен репликами:

Лурье: «Я хорошо помню этот магазин, помню и кондитерскую в соседнем доме».

Докторов: «...да, верно, булочная-кондитерская...».

Хотя мы со Светой давно друг друга знали, и я не предвидел сложностей в беседе с ней, этот короткий диалог, в моем понимании природы общения и, в частности, общения интервьюера с респондентом, сблизил нас. Пусть на «каплю», с моей точки зрения, наши отношения стали более доверительными.

Приведу и третий пример, он из интервью с Чеславом Эрастовичем Сымоновичем, которое состоялось весной-летом 2014 года. Мы с ним — ровесники (я на четыре года старше), ленинградцы, выпускники Ленинградского государственного университета и работаем в одной социологической нише — истории советских поколений, так что можно было ожидать, что наше общение будет достаточно доверительным, хотя лично мы не знакомы. Отвечая на один из первых вопросов интервью, он сообщил мне, что почти половину жизни прожил на ул. Марата д. 22/24 и ходил в школу на Разъезжей. Вообще говоря, каждый петербуржец / ленинградец знает этот район города. Прекрасно знал его и я, вот мой ответ: «Это старый петербургский район, в нем всегда была какая-то тайна; прекрасно знаю его, вторую половину 60-х — начало 70-х я жил рядом, за углом, на Поварском переулке, третий дом от Колокольной».

Потом, несколько ниже Чеслав пишет:

Особо для Вас, Борис, — о Поварском переулке. Недалеко от угла Колокольной жил Валера Чирков, и с ним связано то моё, что, повторяясь потом в жизни раз в несколько лет, сделало из меня «облако в штанах» вместо пацана, потом — настоящего мужчины. Собирались мы с ним дружить и шли из школы. Подходят его недруги и начинают приставать. Я почуял приближение драки и позорно бежал, оставив его. Потом стеснялся даже смотреть в его сторону, а он — воспринял моё предательство как само собой разумеющееся, чем в тот момент утешил, но на будущее — усугубил мою жизненную трусость, которую в доброй половине критических ситуаций я так до сих пор не преодолел.

Мне представляется, что эти примеры показывают, что мои интервью, замечу, не face-to-face, а проводимые по электронной почте, действительно можно трактовать как определенную форму доверительного общения. Это далеко не бихевиористский пинг-понг, «стимул-реакция».

Названные выше статьи о Голофасте и Старовойтовой содержат еще одну разновидность влияния социально-пространственных отношений на характер общения, но уже в мысленном диалоге. Статьи написаны через несколько лет после гибели Галины и смерти Валерия, и многое в их содержании, стиле обусловлено моим представлением о роли в культурной жизни Ленинграда одной из точек на карте города — кафе «Сайгон». Хотя мое пребывание в «Сайгоне» никак не было сопряжено с участием в поэтических или диссидентских образованиях, я регулярно бывал в нем, и воспоминания о этом, особая атмосфера кафе, мифологизировавшаяся со временем, присутствовала во мне, когда я вел мысленный диалог с Голофастом и Старовойтовой.

Тема «географии» как фактора, сокращающего расстояние между собеседниками, кажется мне заслуживающей внимания, и хотелось бы в будущем развернуть ее.

Сейчас — о другом аспекте интервью с Александром Дукой, о его движении в сторону изучения политики: генезис его интереса к этой тематике, когда и как она попала в поле его зрения и как интерес в ходе макро и микро обстоятельств определил направленность его профессиональной деятельности. Исследование маршрутов социологов разных поколений в социологию (политологию, изучение рынка, опросы общественного мнения) — стержневая тема данного проекта; они очень много говорят и о человеке, и о времени, в котором он живет, в котором складывается, образуется траектория его жизни. К настоящему времени накоплена значительная информация, показывающая, что знание этого маршрута — ключ к пониманию многих сторон творчества социолога.

Одно время у меня было представление о том, что анализ путей прихода в науку социологов первых четырех поколений — пусть с известными оговорками — дает картину вхождения в социологию и последующих поколений. Теперь, когда проведены интервью с более, чем сорока учеными из 5–7 когорт, я отчетливо вижу, что это не совсем так. Время, его социальное наполнение, и само состояние науки, скажем уровень ее институционализации, модифицируют траектории, известные из ранее проведенного анализа биографий социологов первых поколений и порождают появление качественно новых типов дорог в социологию и «пребывания» в ней.

Весьма условно всех социологов, с которыми мне удалось побеседовать, можно разделить на два больших кластера. К первому — относятся те, кто в детстве, юности, к моменту выбора профессии в силу стечения разных обстоятельств осознали в себе интерес к истории, философии, экономическим реалиям, международным отношениям. В одних случаях это было следствием влияния семьи, в других — школы, в третьих — различные спонтанные внешние сигналы. Соответственно, все они пришли в социологию из наук социального комплекса, а самые молодые — уже учились «на социолога». Ко второму кластеру принадлежат те ученые, кто на момент выбора профессии не видел себя обществоведом или — несмотря на ощущение интереса к этой «материи» — предпочел, вынужден был готовить себя к работе в иных нишах. Это: математика и физика, технические дисциплины, русский и иностранные языки, медицина и биология и т.д.

И первый, и второй кластер — неоднородны, каждый из них расщепляется на множество более однородных типов и подтипов. Но все же трансформацию представителей первого кластера в социологов можно считать «естественной», в том смысле, что при освоении ими социологии они имели возможность опереться на знания, приобретенные в институтах, университетах, или на опыт работы в близкой к социологии нише. Переход представителей второго класса в социологию, был стимулирован, спровоцирован неожиданными для человека обстоятельствами, и в этом плане «перемещение» в социологию носило случайный характер.

Но и здесь нет однозначности. Скажем, Г. И. Саганенко в бытность ее студентом математико-механического факультета ЛГУ нужен был приработок; она работала почтальоном, на хлебофабрике, потом случайно попала в первую в СССР социологическую лабораторию В. А. Ядова на кодировку результатов опроса для последующей компьютерной обработки. И «задержалась» там, со временем стала профессором социологии. Когда у меня после завершения аспирантуры математико-механического факультета ЛГУ были проблемы с трудоу-

стройством, я случайно, в коридоре факультета встретил Саганенко, сказал, что ищу работу, она дала мне телефон А. Г. Здравомыслова. Так я стал социологом, даже не зная, что это за наука. Другой путь у выпускницы мехмата Саратовского университета Е. Р. Ярской-Смирновой. Имея хорошее музыкальное образование, еще будучи студенткой-математиком, она увлеклась этномузыкологией, этнографией и фольклористикой. Публичная фольклористика настолько захватила ее, что к моменту окончания мехмата она уже точно знала, что математика — это не ее. Свое второе образование она получила в философской аспирантуре, и тема ее кандидатской диссертации была «Философский анализ народной культуры».

Путь в науку Дуки — явно, из первого кластера, причем, читая его рассказ, можно подумать, что некто запрограммировал этот путь, предусмотрев *happy end*, но одновременно расставив на нем барьеры, которые в принципе были преодолимы, но постоянно проверяли «путника» на силу его желания дойти до конца. Схематически траектория этого движения может быть описана следующим образом.

Ранее (пятый класс) увлечение историей, чтение художественной и серьезной научной (восьмой класс) литературы. Первые шаги в политической деятельности (девятый класс): активное участие в комсомоле и создание нелегальной организации. Попадание в поле зрения КГБ. Поступление на философский факультет ЛГУ, армия, создание организации «Союз военнослужащих» — фактический филиал питерской «партии» (1975—76 гг.). Рабочий, осознанное вступление в КПСС, понимал, что без этого он не сможет работать после завершения философского образования. Возвращение на философский факультет, обучение на кафедре исторического материализма. Завершение университета (1981 г.). Поиски работы, удача — ассистент кафедры философии и научного коммунизма в Горном институте. 1984—1987 гг. — дневная аспирантура на кафедре исторического материализма в ЛГУ, начало перестройки, которое сначала не осознавалось как нечто принципиально изменяющее жизнь. Возвращение в «Горный», работа на кафедре научного коммунизма. Начало 90-х, в стране выходят пособия по социологии и политологии. Включение в новые формы общественной, политической активности. Еще действовала подписка 1976 года о «неучастии», но было посещение первых митингов, различных форумов: июль 1989 г. — ездил в Таллин на съезд Социал-демократической конфедерации; январь 1990 г. — там же, учредительный съезд Социал-демократической ассоциации; май 1990 г., Москва, присутствовал на учредительном съезде СДПР. Сопредседатель Ленинградской Социал-демократической ассоциации. В 1990 участвовал в выборах в депутаты Съезда народных депутатов РСФСР, был выдвинут Горным институтом, проиграл выборы одному из сильнейших советских политиков того периода — Марине Евгеньевне Салье. На собрание представителей народных фронтов в Таллин в 1989 г. встретился с молодыми ленинградскими социологами Е. Здравомысловой, и В. Костюшевым, знакомство с В. Воронковым, А. Тёмкиной и другими, начал профессионально изучать общественные движения и осенью 1990 года пришел работать в Ленинградский филиал Института социологии. Вхождение в социологию состоялось...

В пути, пройденном Александром Дукой, много поколенческого, наблюдаемого и в биографиях представителей четвертой профессионально-возрастной когорты советских / российских социологов, но много и личностного, индивидуального.

Фирсов Б. М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2–12 http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=200&id=39

Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2–13.

Докторов Б. Рассказ о книге, которой нет. (Я.С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве») // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 15–19 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893665366675file.pdf

Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf

Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf

Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В.А.Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40 – 50

В. Э. Шляпентох: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1– 13. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1211644804185600file.pdf

Дука А. В.: «У меня было настоящее “коммунистическо-социалистическое” восприятие мира»

Саша, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Не будем далеко ходить. Мои интервью с известными Вам нашими коллегами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры... воспоминания о своих родительских семьях Андрея Николаевича Алексеева, Якова Ильича Гилянского — богатейший материал для истории нашего общества... что Вы знаете о своей фамилии — Дука и насколько Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Фамилия и семью — разные вещи. Фамилия известна во многих странах. Первоначально, скорее всего, встречается в Византии. Было несколько императоров с этой фамилией. Есть известные ученые (генуэзский ученый XV в., описавший падение Константинополя, президент Молдавской Академии наук и т.п.), святой, замученный турками 24 апреля 1564 г., воители, простые люди.

Что касается семьи, то здесь я больше осведомлен о материнской линии, поскольку мои родители развелись довольно рано, и своего отца по детским воспоминаниям не знаю. Лишь коротко увиделся с ним, когда мне было уже за 30. Но разговора не получилось. Знаю, что он из украинского села в Винницкой области, по специальности то ли геолог, то ли топограф или геодезист.

Моя мать была топографом, закончила Энергетический техникум. Ездил в экспедиции, но с 1967 г. устроилась на работу без разъездов. Последние годы работала инженером в тресте Геодезических работ и инженерных изысканий (ГРИИ), где я до службы в армии тоже поработал. Моя бабушка, Исаева (в девичестве) Фёкла Сергеевна имела всего лишь два класса образования. Вместе со своим отцом, бабушкой (Агафьей Молчановой, матерью ее умершей матери), сестрой Марией и братом Семёном в возрасте 7 лет приехала в Петроград в 1914 году из рязанского села. Жили они в городе до конца 1917 г. на углу Кирочной ул. и Суворовского проспекта. Работал отец бабушки легковым извозчиком, держал свой экипаж. В 1918 году все вернулись в деревню, поскольку прожить в Петрограде стало сложно.

В деревне жизнь тоже не сложилась, было голодно, мачеха оказалась настоящей мачехой. Бабушка отправилась «в люди» служила нянькой, хотя самой было не много лет. Была в услужении в разных губерниях, в Москве. В конце концов, вернулась в Петроград, подделала документы, увеличив возраст, и устроилась работать на Синявинских торфяных разработках. Вскоре в Петроград подтянулись и другие родственники — ее бабушка, старшая сестра, младший брат.

В Ленинграде встретила моего деда (Шабельникова Григория Ефимовича), который служил здесь и остался потом работать в городе. Родом он был из курского села. До войны у бабушки родилось две дочери и сын. Выжила только моя мать (Валентина).

Дед прошел Финскую войну, но пропал без вести в Отечественную под Ленинградом. Один из его братьев также погиб на войне, другой побывал в немецком лагере, откуда бежал. Старший же брат не воевал по возрасту и здоровью (но он участвовал в Первой мировой), был в оккупации в Днепропетровской области. Брат бабушки закончил танковое училище, погиб под Москвой. Вся семья бабушкиной сестры погибла в блокаду. Сама бабушка всю блокаду проработала в Ленинграде, жила на Тверской улице, рядом со Смольным. Мама в 1942 г. была эвакуирована, вернулась после войны. Рассказы о блокаде я слышал много раз с самого детства. Поэтому эта история — часть меня.

Вот такая простая семья.

Спасибо, Саша, все так обнажено... сгусток всей истории 20 века... для меня особую зримость приобретает Ваш рассказ, так как Тверская, Кирочная, та часть Суворовского — мой родной район. Я жил в большом доме по Мариинскому проезду (замечу, он так всегда назывался), который соединяет Кирочную, почти сходясь там с Таврической, и Кавалергардскую (раньше — ул. Красной конницы). Вы и в школу ходили в том же районе? Чем запомнились Вам школьные годы?

Калужский переулок, Мариинский проезд — места детских гуляний и игр с друзьями. Наряду с Таврическим и Смольным садами, окрестными дворами. Жили мы (мама, бабушка и я) в доме 23 по Тверской. В 1908 году в этом доме жил Петр Бернгардович Струве. Но об этом я узнал гораздо позже, позже того, как он стал одним из почитаемых мною авторов. Я ходил в 154-ю школу, что на углу Тверской и Красной конницы с 1 по 8 и 10 класс. 9-й класс я учился в Старом Петергофе в санатории. Класс первоначально набирали как экспериментальный: учили в начальной школе по особым программам и частично по не стандартным учебникам. Но затем обучение пошло обычным путем. Школу я, скорее, не любил, хотя учился, в основном, на 4 и 5 (средний балл по окончании был 4,5). Не любил, поскольку для меня это всё было душно. Поэтому светлых книго-кино-песенных воспоминаний нет. Слава Богу, что это прошло. Учительница начальных классов (Софья Эммануиловна) была, наверное, хорошим методистом, с устремлениями (на столе иногда у нее видел открытый немецко-русский словарь), но, как мне казалось, проявляла несправедливость. Ее несправедливость была связана с разным отношением к ученикам разной национальности, что, подчас, вызывало детскую обиду. Хорошие воспоминания остались о классном руководителе с 5-го класса — Кроль Янине Михайловне, преподававшей биологию. Потом, уже в конце моего университетского обучения, я узнал, что она родственница Владимира Александровича Ядова, и она поспособствовала моей встрече с ним, когда я учился на последнем курсе. Тогда я чуть не попал работать в ИСЭП.

В школьные годы я любил историю. В пятом классе, естественно, увлекался античностью, прочитал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Войну с Ганнибалом» Тита Ливия, много других книг. Очень любил ходить в Эрмитаж в античные залы. Много читал исторических романов. Какое-то время моим любимым писателем был В.Ян. В восьмом мне мама купила восьмитомную «Историю XIX века» Лависса и Рамбо. И для меня было всегда загадкой и разочарованием — почему же наши историки-учителя всего этого не знают, не читают.

В санатории, в 9-м классе ситуация была несколько иная. Замкнутое учреждение, целые сутки в коллективе, определенный распорядок дня. Казарма, одним словом. Однако, здесь оказалось много времени для размышлений, самостоятельности. Я был довольно застенчивым. И я решил вытаскивать себя в общественность. Мне не нравилась общественная работа, но я стал секретарем комсомольской организации санатория. У нас даже были некоторые маленькие «противостояния» с партийной организацией. Там же у меня появились новые друзья. А с одним из них — Андреем Чугуновым, мы дружны до сих пор.

Это время сильно повлияло на меня. У меня было настоящее «коммунистическо-социалистическое» восприятие мира. Я остро ощущал социальную несправедливость, ложь и неправильность того, что было в стране. Это подтолкнуло к «неформальной» активности. В санатории мы создали нелегальную организацию. Нас было четверо. Потом она немного увеличилась. Активность сохранилась и после школы. Были члены организации в некоторых вузах города. Но потом это было прекращено КГБ. Конечно, кто-то из нас воспринимал эту нашу маленькую деятельность как какую-то игру. Но для меня это было вполне серьезно. Кстати, в десятом классе роман Горького «Мать» мне очень понравился, также как и многие революционные произведения.

Как приятно, школа № 154 — моя родная, с первого до пятого класса включительно, она была мужской, потом многих перевели в соседнюю, на углу Красной конницы и Очаковской улицы...

Итак, школа закончена? Интересы — предметные и общественно-политические — определились, что дальше?

В 1973 году закончил школу и, естественно, решил учиться дальше. Хотел поступать на исторический факультет в Университет. Но мучили сомнения: а что после диплома? В школу идти работать очень не хотелось, а это была самая вероятная перспектива. Кроме того, интересно было и изучать общественное устройство. Но где? Поэтому был выбран философский факультет.

Поступить на дневной не удалось. Причем, я получил тройку по истории. После экзамена посмотрел в учебнике, по которому готовился (а это был учебник для ВУЗов). Всё вроде верно отвечал. Но, видно, не проходил по квотам. Сдал документы на вечернее отделение. Сразу же надо было устраиваться на работу и нести справку, что где-то трудишься. Мать помогла быстро оформиться к ней в трест ГРИИ. Так я стал «рабочим топографических работ». Работал и сдавал экзамены.

Год я проучился на вечернем. В мае досрочно сдал сессию и пошел в армию. Служил рядовым два года, но пришлось прервать учебу на три. Дело в том, что в армии я создал организацию «Союз военнослужащих». Это был филиал питерской «партии». Нас было всего несколько человек. Естественно, мы были разоблачены. Одновременно в Ленинграде несколько наших ребят были исключены из вузов и из комсомола. В университете это были Андрей Чугунов и Ирина Шишкина, в Техноложке — Дима Пестов и Гриша Койфман. Но не всех так «репрессировали», кого-то поугали, взяли подписки и оставили учиться и работать, кто-то не попался в сети. Это было в 1975–76. Поэтому вернувшись из

армии, я быстро забрал документы из университета. По закону я мог в таком случае восстанавливаться в любое время. А если бы меня исключили, то это было бы проблематично.

Армия меня вылечила и от «любви» к ней. Я с детства хотел быть военным. Во втором классе я упросил бабушку пойти со мной в военкомат — хотел быть суворовцем. Но в это время в суворовское училище брали только после восьмого класса. Мама выписывала мне военный журнал «Старшина, сержант», который я с увлечением читал. Хотел быть танкистом. Но уже после девятого класса переориентировался. После службы добром ее я уже не вспоминал. Помимо этого, я стал весьма скептически относиться к мужскому населению нашей страны. Дедовщина мне была не симпатична. Меня даже «старики» из моего призыва судили «судом стариковской чести» за то, что я водил дружбу с некоторыми ребятами из младшего призыва.

Вы не знаете, предпринимались ли еще в те годы попытки создавать в армии политические структуры? Что было написано на знаменах «Союза военнослужащих»: против чего и за что?

Ничего особенного и экстраординарного не было. Точно сейчас уже не вспомню: все-таки сорок лет прошло. Но основные идеи — «правильный», «истинный» социализм, как мы его тогда понимали (справедливость, народность, равенство, законность). И специфически «военное», что нас очень волновало — уничтожение стариковщины и других «негативных явлений». Как позже сказал один из моих «кураторов» из КГБ: «У нас с вами одни цели». Нам было 18–20 лет, мы были воспитаны советской школой. Что касается других организаций в армии, то мне они не известны.

Итак, Вы вернулись из армии с новым жизненным опытом, понимали, что лучше «тормознуть» обучение в университете. И что же Вы предприняли?

Надо было немного отдохнуть от армии, но и зарабатывать деньги на жизнь. Поэтому я сразу устроился работать в отдел вневедомственной охраны. «Охранял» я Ленхлагокомбинат. Посты были на проходной, на автомобильном въезде и на железнодорожном. В смене я был единственный молодой, жизни не знал и рассуждал про мораль. Предложения начальника караула взять какое-то количество яиц, мяса и прочее, чем был богат комбинат, я отвергал, не соглашаясь с принципом «Кто что охраняет, тот то и имеет». Поэтому меня по большей части отправляли на дальний пост, где очень редко выезжали и въезжали железнодорожные составы. Я сидел в будке, никого не беспокоил и читал книги, восполняя пропущенное время в армии. Так продолжалось с мая по конец августа 1976 года.

Потом я решил, что надо бы заняться чем-то более серьезным и рабочим. Во-первых, я предполагал, что «пролетарские» страницы в биографии будут полезны. Во-вторых, зарплата предполагалась приличной. В-третьих, если бы меня полностью «реабилитировали», то найти работу по специальности после университета, как я знал, не имея партбилета, было очень сложно. А стать партийцем, будучи рабочим, было легче. Я пошел работать слесарем по ремонту строительной техники в Управление механизации треста «Ленгазтеплострой». Там я проработал три года, ремонтировал дизельные двигатели. Но уже

в 1977 году я поинтересовался у своего «куратора» из КГБ, а не будет ли каких-либо препятствий или подвохов при моем восстановлении в Университете. Мне сказали, что нет, и я вернулся на вечернее отделение. Также мне ответили и по поводу партийности. В КПСС мне предложили вступить уже через год после моей работы слесарем. Как Вы знаете, была определенная норма на вступление в партию инженеров: один на четыре рабочих. Поэтому партограницация и администрация были только рады. Информировать же их о моем непартийном прошлом ни я, ни КГБ не стали — зачем зря будоражить людей? А в 1979 году я перешел на дневное отделение, которое и закончил в 1981 году.

Саша, а вам читали курс социологии? Теорию? Эмпирические методы?

Общего курса социологии не было, но был ряд теоретических курсов и спецкурсов, большая часть которых имела критическую направленность: «История социологических учений» (В. И. Синютин), «Философия и социология в развивающихся странах» (М. Я. Корнеев), «Критика методологии современной буржуазной социологии» (Р. П. Шпакова), «Критика современной буржуазной политической социологии» (А. А. Федосеев). Близкими к социологии были спецкурсы В. Т. Лисовского «Социальные проблемы молодежи» и Л. В. Петрова (из Института культуры) «Основы теории массовой коммуникации». Эмпирические же методы исследования не преподавались. Однако был курс «Основы демографии» с некоторыми элементами статистики.

По какой кафедре Вы заканчивали философский факультет? Какую тему выбрали для дипломного проекта?

Я учился на кафедре исторического материализма. Тему для диплома я не выбирал. Я хотел писать по политической культуре или по политической идеологии. К «профильному» Анатолию Александровичу Федосееву я подойти не решался ввиду моих политических «прегрешений». Владимир Тимофеевич Лисовский казался проще и доступней. Кроме того, я предварительно через Эмилию Сергеевну Чугунову (мать Андрея Чугунова) узнал, не будет ли мне отказа в руководстве курсовыми работами и дипломом. Владимир Тимофеевич согласился руководить, но начисто отверг мои поползновения в политику и идеологию и предложил тему первого курсовика «Массовая культура». Диплом же уже был «Молодежь и музыка». Пришлось читать тексты по теории и социологии музыки. Помимо теоретических и общих рассуждений в дипломе была и эмпирическая часть. В двух школах Смольнинского района Ленинграда я раздал анкеты в восьмых-десятых классах, а потом уже на калькуляторе их обсчитывал. Опыт хороший, но в научном руководстве я был разочарован. Вот один пример. Когда я принес последний вариант диплома, Владимир Тимофеевич меня спросил: «Ну что, уже защитил диплом?». Уже гораздо позже, когда я прочитал книгу В. Ядова «Человек и его работа», я недоумевал, почему мне ее не посоветовал прочитать в студенческое время мой научный руководитель.

И все же, на 1981 год Вы знали о социологии и умели много больше, чем многие другие. В те годы существовала практика распределения выпускников, Вас куда-либо распределили или была возможность самому искать и найти работу? Короче, как началась Ваша профессиональная жизнь после завершения образования?

Распределение было, но можно было и найти самому место работы, из которого после договоренности высылался запрос на конкретного человека, и он распределялся именно туда, где нашел себе устраивавшее его место. Ехать куда-то далеко мне не хотелось. Кроме того, я был уже в то время женат. Мы вместе учились на вечернем, вместе перешли на дневной на одну кафедру. Жена Света нашла себе целевое место в аспирантуру от одного из львовских вузов (она была уроженкой Львова). Поэтому я на неделю поехал во Львов, где обошел все институты, университет и местный академический институт в поисках такого же места с клятвенным обещанием после аспирантуры приехать во Львов и проработать там несколько лет. Я действительно готов был на время уехать из Ленинграда. Но мои поиски и переговоры не были успешными. Но в дальнейшем у Светы тоже ничего не получилось с аспирантурой. Тогда кроме «своего» места надо было еще получить рекомендацию комсомольской организации курса. А поскольку мы на дневном учились только два года (четвертый и пятый курс), то включиться в общественную жизнь не совсем получалось. Помимо этого, была и конкуренция. Поэтому большинством голосов моей жене было отказано на собрании в такой рекомендации.

В Ленинграде найти работу было сложно, я пытался расспрашивать знакомых. Янина Михайловна, моя бывшая классная руководительница созвонилась с В. А. Ядовым. У меня состоялась встреча с Владимиром Александровичем, тогда работавшим в ИСЭПе. После недолгого разговора и узнав, что я член КПСС, он представил меня Б. М. Фирсову. Борис Максимович меня выслушал, задал разные вопросы и сказал, что он меня с удовольствием возьмет в аспирантуру, если я смогу «отыскать», «заполучить», где-то «пробить» в оную место, а просто работы на данное время нет.

Следующая попытка была связана с Консерваторией. Я уже сейчас не помню, кто меня направил к заведующему кафедрой философии В. В. Селиванову (сейчас он зав. сектором социологии Государственного Эрмитажа). Состоялась беседа с ним, с проректором. Меня охотно туда брали на должность помощника проректора по работе с иностранными студентами и обещали еще почасовку на кафедре философии. Это меня не вполне устраивало.

И вот однажды, разговариваю в коридоре факультета со своим товарищем, молодым ассистентом, описываю свои горести. И вдруг он хватает за рукав проходящего нового факультетского преподавателя и спрашивает его, есть ли места в Горном институте, откуда он только что перевелся в Университет. И он отвечает, что есть и он переговорит с заведующей Марией Семеновной Козловой. Через неделю я уже с ней разговаривал, и в результате меня взяли ассистентом на кафедру философии и научного коммунизма. Это была удача.

Вся эта долгая рассказка важна для понимания контекста и роли случая для начала профессиональной жизни.

Подобное было и у меня, только тем «факультетским товарищем» была Галина Саганенко, с которой я учился на одном факультете, «Марией Семеновной Козловой» был Андрей Григорьевич Здравомыслов, а «Горным» – Ленинградская Высшая партийная школа. Правда, у меня не было философского образования, я на тот момент не был членом КПСС и не знал такого слова – «социология». По-моему, Вы оказались в идеальной ситуации... Что Вы начали преподавать, были ли возможности для научной работы?

Преподавать я начал научный коммунизм. Возможности для научной работы были маленькие: учебная нагрузка, домашние хлопоты (в феврале 1983-го родился сын). Помимо этого, я, наверное, еще не вполне был готов к научной работе: маленький жизненный и интеллектуальный опыт.

Кроме работы и подготовки к занятиям по научному коммунизму я еще посещал домашние философские кружки. Был такой неофициальный институт. Я знал тогда четыре кружка, один из которых организовался среди друзей и товарищей, часть которых закончила философский факультет, кто-то имел техническое образование, хозяин дома, где мы встречались еженедельно, был врачом, его жена — дизайнер одежды. На каждом семинаре мы «проходили» какой-нибудь текст, например, диалог Платона такой-то, или что-то из Лейбница и т.п. Все участники очень ответственно подходили к семинарам, читали, конспектировали, очень горячо обсуждали. Это дало мне больше, чем студенческие штудии. Конечно, в большинстве своем эти тексты мне были уже знакомы, я их «проходил». Здесь же было иное — попытка в дискуссии понять для себя, что ты прочитал, и что это для тебя значит.

В 1983 году Вы начали преподавать научный коммунизм, а в апреле 1985 года пришла перестройка. Как происходившие в стране события влияли на Вашу жизнь, на преподавательскую деятельность?

Закончил я университет в 1981 году. С 1984 по 1987 был в дневной аспирантуре на кафедре исторического материализма. Начало перестройки не осознавалось как нечто принципиально изменяющее жизнь. Первоначально действия Горбачева воспринимались как внутриноменклатурная межклановая борьба. Тем более, что уже при Андропове были попытки некоторых изменений и, в том числе, политического плана — некоторое декларативное повышение роли Советов и т. п., прошла дискуссия о противоречиях при социализме. И сначала речь в официальных документах, выступлениях Горбачева шла об «ускорении». Обсуждались «механизмы торможения» (после пленума ЦК в январе 1987 г.), «нарушение ленинских принципов». Постепенно шаг за шагом приоткрывалась возможность говорить и писать что-то новое, критическое. Да и сами идеи, анализ ситуации изменялись (во всяком случае, у меня в голове) не вдруг. Помню у меня вышла статья 1987 году про политическую культуру в издании горкома партии. Мои знакомые говорили: как здорово, ново, свежо. А посмотреть сейчас — ничего там особенного и нет.

После аспирантуры я вернулся в Горный институт. Прежняя кафедра разделилась на кафедру марксистско-ленинской философии и кафедру научного коммунизма. Меня звали на обе. Я выбрал ту, где мне казалось, был лучше психологический климат — научный коммунизм. Вскоре, она переименовалась в кафедру научного социализма. А уже в 1990 году выходит пособие по социологии и политологии. Вел я семинарские занятия по научному коммунизму/социализму и читал лекции по этике. Но еще в 1988 году меня парторг кафедры обвинила в провокации: я дал студентам задание написать на полстранички, что они думают о том, почему крымские татары сотрудничали с немецкими оккупантами (тема была «Национальные отношения при социализме»). Был маленький скандал, пришлось достаточно шумно защищаться. Но постепенно «вольнодум-

ство» становилось естественным и приемлемым. Но, надо сказать, что наиболее консервативными в институте были не обществоведы, а часть преподавателей горных специальностей.

Конечно, нарастающая общественная активность захватила и меня. Но поскольку у меня была подписка о неучастии, которую я дал в 1976 году, то первое время я был больше созерцателем. Тем не менее, на митинги ходил, посещал всякие сборища. В июле 1989 ездил в Таллин на съезд Социал-демократической конфедерации, в январе следующего года туда же на учредительный съезд Социал-демократической ассоциации. В мае 1990 года в Москве присутствовал на учредительном съезде СДПР. Мои симпатии были на стороне социал-демократии. Одно время я был сопредседателем вместе с Дмитрием Даугаветом Ленинградской Социал-демократической ассоциации. Ходил также на собрания других организаций, в том числе и правых. В 1990 участвовал в выборах в депутаты Съезда народных депутатов РСФСР.

Я был выдвинут кандидатом в депутаты общим собранием трудового коллектива Горного института. Моим основным оппонентом был секретарь парткома института, за него отдали голоса 46 человек. Большинство проголосовало за меня (98 голосов). Третий кандидат получил 17 голосов. Был еще четвертый выдвиженец, призвавший голосовать за меня. Я баллотировался по Васильевскому острову. По этому же округу избиралась Марина Евгеньевна Салье, которая победила. Участвовал в «забеге» и социолог Петр Шелищ. Я же с другим кандидатом, в последующем известным человеком – Андреем Илларионовым, оказался в конце списка. Напомню, что Илларионов впоследствии был советником президента Путина.

В связи с моей активностью я не смог стать преподавателем первой в Советском Союзе кафедры политологии, которая организовывалась на философском факультете Университета. Мы с моим приятелем отправились на митинг на Дворцовой площади, посвященный 50-летию пакта Риббентропа-Молотова. Нас задержали вместе с другими гражданами и посадили в кутузку, а ночью быстро осудили на штраф (который был больше моей тогдашней месячной зарплаты) за сопротивление и непристойную ругань в адрес милиции (все это не было, но нашлись «свидетели», и выездной суд был достаточно скорым). Но в этот вечер я должен был встречаться с организатором кафедры Анатолием Александровичем Федосеевым. Естественно, что моя карьера ассистента не состоялась.

Но одна из поездок в Таллин в 1989 году – на собрание представителей народных фронтов – оказалась поворотной в моей профессиональной жизни. Я там встретил Е.Здравомыслову, В.Костюшева и стал с ними сотрудничать, познакомился с В.Воронковым, А.Тёмкиной и другими членами сообщества, начал профессионально изучать общественные движения и, в конце концов, осенью 1990 года пришел работать в Ленинградский филиал Института социологии. Хотя, первый год был достаточно трудным. Я даже хотел уходить: никак не мог настроиться на «социологическое» думанье и трудно было понять, как надо социологически исследовать. Тогда меня успокоила и подбодрила Аня Тёмкина, с которой я поделился своими сомнениями. Потом всё как-то стало получаться.

Выше Вы отметили, что с 1984 по 1987 гг. учились в дневной аспирантуре; по какой теме Вы тогда готовили диссертацию? Ее удалось защитить? (Если нет,

то сразу же здесь расскажите, когда Вы вернулись к подготовке кандидатской диссертации, по какой теме, когда защитили..)

Тема диссертации была «Политическая культура: проблемы генезиса и принципы типологии». Причины незащиты было несколько: отвлекался, разбрасывался (читал много и всего) за полгода до защиты понял, что надо всё переделывать (это случилось вечером в автобусе, когда возвращался домой). Идея научного руководителя и также первоначально моя связывала типологию политической культуры с общественно-экономическими формациями. Это было в русле тогдашнего догматического марксизма. Политическая культура оказывалась «при» формации, как одна из многих ее характеристик. Однако при таком рассмотрении не было внутренней динамики. Кроме того, политика и культура оказывались непосредственным выражением социально-экономических отношений. Таких текстов было много. Оставаясь марксистом с изрядной гегелевской прививкой, я хотел найти внутренние противоречия, обеспечивающие саморазвитие, или такие, которые давали импульс на основе базовых для политики и культуры противоречий.

А после аспирантуры была большая преподавательская нагрузка в институте, дом, общественная жизнь... Но тему не бросал. Очень мне помогла месячная поездка в Вену (Институт наук о человеке) в январе 1995 г. и трехмесячная в Берлин (Институт Макса Планка) в марте-мае. Работа в библиотеках — великое дело. Ведь мы в значительной мере жили в отрыве от интеллектуальных движений в мире. Можно не соглашаться, но нельзя не знать, чему ты оппонируешь. Кроме того, я привез много ксерокопий. Было время почитать, подумать. В октябре того же года я защитил диссертацию по политологии в университете. Но в ней было много, скорее, философского. Поэтому тогдашний завкафедрой философии истории и социальной философии К. С. Пигров предложил мне одновременно защищать ее и по философии истории. Но это отложило бы защиту на два-три месяца, что меня тогда не устраивало.

Вкратце основные идеи сводились к следующему. Политическая культура рассматривалась как процесс освоения реальности, связанный с объективацией политического субъекта и субъективацией объекта освоения. Непосредственно же это освоение предстает как придание и извлечение политических смыслов политическим субъектом. Политическое осмысление действительности связано с социальной определенностью субъекта политической культуры, и эта определенность характеризуется типом социальности, определяющим ту или иную историческую эпоху, а также социально-классовой принадлежностью. Переход от одного типа культуры к другому связан с разрешением основного противоречия политической культуры — противоречия между объективной значимостью политической деятельности (практической и духовной) и субъективным смыслом этой деятельности. Противоречие же значения и смысла может представлять как борьба противоположных принципов политической организации, которые могут быть связаны с особыми социальными группами. С генезисом несколько сложнее. Дополитическое, но уже публично-иерархическое потестарное, должно было стать политическим. Я рассматривал основное противоречие потестарной культуры, характерной для ранних обществ, между принципами эгалитаризма и солидаризма с одной стороны и принципом иерархичности с другой, что было связано со специфической социальной структурой и соответствующими

социально-экономическими отношениями. Появление политической культуры связывалось с его разрешением и трансформацией социальных отношений. Внутренняя динамика политической культуры объяснялась через взаимодействие ее составляющих (видов культуры), выступающих как самостоятельные преобразованные формы реальной, нормативной и идеальной политических культур.

Ленинградский филиал Института социологии полтора десятилетия назад был преобразован в Социологический институт РАН, так что Вы работаете в одной организации четверть века. По какому направлению или каким направлениям Вы работали, что главное удалось сделать?

Самостоятельным институт стал в 2001 году. Большая заслуга в этом принадлежит Сергею Исаевичу Голоду, бывшим директором филиала и института с 1996 по 2002 год. Все эти годы я был его заместителем. Превращение филиала в институт было делом непростым. Без помощи В. А. Ядова (директора Института социологии), Б. М. Фирсова (основателя и первого директора филиала), В. Н. Кудрявцева (вице-президента РАН) этот проект, по всей видимости, не состоялся бы. Но усилия институтской администрации (сам С. И. Голод, ученый секретарь А. С. Быстрова и я) были весьма велики. Несколько лет, несмотря на поддержку «в верхах», приходилось в прямом смысле «пробивать» новый статус института.

Параллельно делались попытки изменить внутреннюю ситуацию в институте, который потерял свою первоначальную динамичность и явно пребывал в застойности. Начали проводиться внутриинститутские конкурсы научных работ. За лучшие статьи и книги сотрудники получали премии. Была введена конкурсность и открытость заявок на академические проекты в 1997 и 2002 гг. Автоматическое прохождение Ученого Совета и утверждение заявок, характерное для академии, сменилось внешним рецензированием и защитой проектов. Не все руководители научных подразделений могли сразу пройти эту процедуру. Появилась возможность сотрудникам переходить в другие подразделения и проекты, а также создавать новые исследовательские группы. Так, кстати, возникла научно-исследовательская группа под моим началом, занимавшаяся изучением элит. Причем, это было результатом использования не административного ресурса, а предложения проекта, к которому присоединились сотрудники. Голодовский период характеризовался и более требовательным, жестким прохождением защит диссертаций через диссертационный совет в институте. Именно поэтому, в городе сложился определенный образ института как места, где «за просто так» или за подарки не защитишься. С 1998 года совместно с факультетом социологии СПбГУ стал издаваться «Журнал социологии и социальной антропологии». И этот журнал стал одним из лучших профессиональных изданий.

Что же касается научной деятельности, то я первоначально занимался исследованием общественных движений: социал-демократического, национал-патриотического. Меня интересовали и общие проблемы социальных движений, и частные вопросы, такие как их дискурс, механизмы мобилизации, институционализации. Было сделано несколько неплохих текстов. Одно время параллельно занимался исследованием региональных элит (был грант от Фонда Berghof). Потом это стало моим основным «увлечением». Здесь удалось кое-что понять и изучить, написать, а также организовать.

Часто в учебниках и в изучении властных групп исходят из определенного монизма: «элита она и есть элита». Между тем, в эмпирических и теоретических исследованиях властных элит прослеживается как минимум три возможных типа исследований. Каждый из них соотносится с определенными представлениями об элитах как образованиях в обществе. Во-первых, элиты могут быть представлены и исследованы как функциональные группы. Во-вторых, элиты могут быть проанализированы как определенный социальный слой. В-третьих, элиты могут быть рассмотрены как институты. Каждый из указанных вариантов исследований тяготеет к определенным теоретическим основаниям и обладает собственными объяснительными возможностями и ограничениями. Кроме того, внутри данных базовых вариантов анализа могут существенные различия, связанные с теоретико-методологическими представлениями ученого. За этими вроде бы абстрактными и скучными рассуждениями кроется очень простая вещь. Смещение ракурса рассмотрения, методологическая неряшливость приводят зачастую к неточности результатов. К сожалению, в отечественной социологии и политологии это достаточно распространенное явление.

Помимо этого, надо иметь в виду, что одновременно сосуществуют в различных сферах деятельности (общественных секторах), как минимум, две вертикали, на вершине которых находятся элиты. Каждая представляет собой особый институциональный субпорядок. Первый тип элиты интегрирует и структурно стабилизирует активность в рамках данной сферы деятельности. Условно ее можно назвать «институциональной элитой». Второй тип элиты задает образцы поведения, деланья, мысли, стиля, образа жизни – то, что связано с производством и воспроизводством культуры группы, слоя, общества. Отсюда ее возможное определение как «культурной элиты». В политико-административной сфере эти две вертикали стремятся к совмещению. В иных сферах наличие различных вертикалей более или менее очевидно. Например, в максимальном выражении министр культуры и, допустим, режиссер; директор знаменитого театра и выдающийся скрипач.

Одной из важнейших проблем российской трансформации является институционализация властных групп. Об этом много размышляю, пишу. Здесь для меня важными идейными ориентирами стали Самюэл Хантингтон, Роберт Робинс. В более общем социологическом теоретическом плане – Питер Бергер и Томас Лукман. Что же касается современной элитологической классики, то авторитетами для меня являются Джон Хигли, Майкл Бёртон, Хайнрих Бест, Уильям Домхофф и ряд других исследователей. Очень существенным автором мне представляется Дигби Балтзелл, несмотря на то, что он писал вроде бы на локальные темы, касающиеся элит Филадельфии, Бостона.

В организационном отношении, мне кажется, что самое важное, это то, что наш институтский сектор социологии власти и гражданского общества стал одним из ведущих российских центров исследования властных элит и тем самым, одним из факторов, и субъектов институционализации отечественной элитологии. Во-первых, мы как коллектив и как совокупность исследователей систематизировано изучаем элиты (в основном российские региональные). И наши результаты известны, тексты цитируются и высоко оцениваются. Приведу лишь один пример. Наша книга «Региональные элиты Северо-Запада России: политические

и экономические ориентации» завоевала первое место в конкурсе Российского общества социологов за лучшую презентацию результатов социологического исследования в 2001 году.

Во-вторых, мы активно участвуем в формировании устойчивых исследовательских сетей. С 2001 года мы организуем всероссийский семинар по проблемам социологии власти. Уже провели тринадцать семинаров. Приезжают российские и иностранные исследователи элит. Хотя, последних немного. Было четверо ученых из Германии и по одному из Польши, Украины и Приднестровья. Как правило, семинар длится три дня по 7–8 часов. Удаётся обсудить от 20 до 24 докладов. За четырнадцать лет было сделано 279 докладов. Семинар не открытый. Участники приглашаются. Есть более или менее постоянные участники (около дюжины) и те, кто бывает 1–2–3 раза. Всего «прошло» через наш семинар около 90 человек. Российская география – Петербург, Москва, Пермь, Ростов-на-Дону, Ульяновск, Уфа, Омск, Ижевск, Владимир, Саратов, Курск. Дискуссия может быть достаточно жесткая. Но на этой площадке постепенно вырабатываются внутрикорпоративные стандарты. По результатам наших посиделок выпустили восемь сборников.

В-третьих, говоря современным языком, мы выступаем центром компетенции. Очень важной стала инвентаризация исследований элит в России. Нашим сектором была сделана и опубликована аннотированная библиография российских изданий по проблеме элит и номенклатуры за 1990–2000 гг. (468 позиций). Примыкает к этому изданию аннотированная библиография отечественной литературы по коррупции. Она охватывает период с 1869 года по 2002 год (779 позиций).

Несколько слов о том, как и что мы изучаем. В виду малых ресурсов (в основном, мы можем рассчитывать только на академический бюджет) мы сосредоточили свое внимание на российских региональных элитах. Хотя, есть тексты сотрудников и по федеральным элитам, зарубежным. Исследуем ценностные ориентации (опросы 1998 и 2006 гг.). Здесь у нас были гранты. В первом случае от Фонда имени Фридриха Эберта, во втором – РГНФ и РФФИ. Также изучаем дискурс элит, их властные практики, профессиональные карьеры, биографии. Конечно, надо назвать институтских элитологов. Для одних элитология – основная исследовательская деятельность, для других – это, скорее, периферия научных поисков. С разной интенсивностью проблемой властных групп в секторе занимаются А. С. Быстрова, А. Б. Даугавет, А. В. Корниенко, П. И. Лешукова, А. В. Невский, В. В. Сафронов, Д. Б. Тев, Н. В. Хосуева (Колесник). И у них есть очень замечательные тексты.

Сейчас в России достаточно широко и многоаспектно проводятся исследования элиты. Существует ли какая-либо ассоциация элитологов, есть ли специализированный журнал?

К сожалению, качественных исследований не так много. Ассоциации нет, хотя в октябре 2013 года на первом всероссийском съезде элитологов в Ростове-на-Дону такая инициатива прозвучала. Но здесь есть проблема. Есть разные сообщества элитологов. Есть очень мощная «тяготеющая масса» (во всех смыслах) «Ростовская школа» с центром в Южно-Российском институте-филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при

Президенте РФ. Там проходит много всероссийских и региональных конференций, в которых участвует масса политологов, социологов, управленцев и всякого другого люда, защищается огромное количество диссертаций по элитам, проводятся исследования. Многие ученые и остепененные чиновники писали и защищали в Ростове-на-Дону свои опусы. Но не все элитологи разделяют подходы и стиль исследований ростовчан. Не всегда известные элитологи встречаются в одном академическом дискуссионном пространстве. Например, на уже упоминавшемся первом элитологическом конгрессе не было таких известных и значимых исследователей, как О. В. Гаман-Голутвина, Н. Ю. Лапина, В. Г. Ледяев, А. Е. Чирикова (Москва), В. П. Мохов, П. В. Панов, О. Б. Подвинцев (Пермь), А. К. Магомедов из Ульяновска, Р. Р. Галлямов из Уфы и других. Своеобразие есть у исследователей из Астрахани. Есть особенности у пермяков. В Москве очень неоднородное и неинтегрированное сообщество элитологов. У нас есть своя специфика. Пока не очень получается объединяться. Хотя конференции и книги постепенно сплачивают исследователей. Есть важные интегрирующие издания. Например, выпущенный в 2013 году Энциклопедический словарь «Элитология», в котором участвовали ученые из разных регионов. Мотором и главным редактором этого тома был астраханский элитолог П. Л. Карабущенко. Кстати, в Астрахани с 1998 года выходит журнал «Элитологические исследования». Но не во всякой библиотеке и не все номера можно найти. Мы начинаем выпускать ежегодный альманах «Власть и элиты». Первый выпуск (за прошлый год) вот-вот выйдет. В этом году мы выпустим и второй. Альманах будет и бумажным, и электронным.

Давно это было, но все же не могу Вас не спросить... что же это за процедура оценки деятельности сотрудников Института, если два таких трудолика и в высшей степени успешных специалиста, как А. Н. Алексеев и В. А. Бачинин не смогли положительно аттестоваться?

Меня, слава Богу, в момент аттестации и увольнения Алексеева и Бачинина не было в стране (с марта по сентябрь 2008 г. я находился в Вашингтоне, в Институте Кеннана). Поэтому, может быть, всего я не знаю. Мои представления и ощущения субъективны и односторонни. Кроме того, прошло семь лет. А как показал Энтони Гринвальд, мы в большей степени проецируем наше настоящее (включая наши мысли в настоящем) на прошлое, чем его воспроизводим. Скажу, как я вижу ситуацию и события, то есть «свою правду». Андрей Николаевич Алексеев очень активный человек. Его жизненная позиция, переживаемая им как гражданская и научная, непосредственно проявляется в публичном пространстве (что сильно связано с его социологическим методом). Более того, состояние этого «проявления» в определенной мере захватывает Андрея Николаевича, поглощая его силы и время. И снижает саморефлексию. Это привело к активной включенности А. Н. Алексеева во внутриинститутское противостояние во время директорства А. И. Голода. При следующем руководителе (А. В. Тихонове) не критическое восприятие складывающихся административных практик привело к снижению в институте морального авторитета Андрея Николаевича – стала очевидной его пристрастность. Продолжение в дальнейшем «наблюдающего участия» в институте вызывало у значительной части сотрудников психологическое отторжение. Людям не всегда нравится, когда за ними

наблюдают и над ними экспериментируют. Другими словами, А. Н. Алексеев терял «человеческую» поддержку в коллективе и, тем самым, подрывал легитимность своей активности. И здесь надо понимать, что если ты принял на себя роль Сократа (овода, жалящего афинских граждан), то нужно быть готовым, что тебе граждане могут предложить испить цикуту. Конечно, это не имеет непосредственного отношения к аттестации. Однако, если иметь в виду фон события, «вхождение в положение» и понимание нюансов это оказывается важным. Здесь я бы, как мне представляется, к месту (но в несколько ином аспекте) процитировал бы Вас, Борис: «Суть моего видения роли аттестации научных сотрудников сводится к признанию того, что на определенном этапе жизненного пути и карьеры ученых само профессиональное сообщество вырабатывает отношение к ним, которое многократно важнее итогов любых квалиметрических процедур».

С другой стороны, ужесточающиеся требования к научной деятельности и института, и сотрудников предполагали выполнение формальных обязательств, связанных с научной деятельностью – направление деятельности, увязанное с институтской программой исследований, результаты деятельности, опубликованные в научных издательствах и прошедшие научное рецензирование, наличие грантов, участие в подготовке кадров и проч. Эти требования прописаны в нормативных документах, утвержденных Президиумом РАН. И оказалось, что с этой формальной, но объективной, точки зрения Андрей Николаевич не выполняет свои функциональные (как ведущий научный сотрудник) обязанности.

У В. А. Бачинина ситуация была несколько иная. Владислав Аркадьевич Бачинин не смог стать «своим» в институте. Институт у нас маленький, и процесс «вживания и приживания» не скоротечен. Помню, когда я занял должность замдиректора, мне Лена Здравомыслова говорит: «Ты узурпатор: недавно пришел, и вдруг – замдиректора». А я уже проработал к тому времени в институте семь лет. «Свой» это в основном имеющий то или иное право. В том числе, основанное на признании профессиональном. Как-то на заседании ученого совета института Владислав Аркадьевич заявил, что, в основном, Знание уже есть: оно изложено в Священных текстах. Назначение же социологии – в подтверждении и детализации этого знания. Некоторые исследования в этом отношении являются излишними. В качестве примера он привел социологию семьи. Недоумение было полным. Большое творчество Владислава Аркадьевича связано не с социологией. В этом были основные претензии. Детальное рассмотрение работ В. А. Бачинина было сделано Куанышем Муздыбаевым и Владимиром Козловским на одном из заседаний ученого совета. Вера и активность В. А. Бачинина, а отсюда определенная предубежденность и «опережающее знание» оказались фатальными. Мне лично симпатичны некоторые работы Владислава Аркадьевича. С большим удовольствием прочел его «Византизм и евангелизм». Я неоднократно полемизировал с ним на методологических семинарах института. Но вынужден признать, что его «предзнание» стало большим препятствием в его работе в Социологическом институте. Кроме того, многочисленные книги, написанные и изданные Владиславом Аркадьевичем, никак не были связаны с институтом. Не было ни грифа института, ни указания на аффилиацию автора с институтом, что делало их с точки зрения учета как результата работы в институте невозможным. Помимо этого, формальные критерии, о которых я упоминал ранее, оказались и здесь камнем преткновения.

Входит ли в Ваши ближайшие планы работа над докторской диссертацией? Ведь многое сделано, масса публикаций, Вас знают специалисты...

В планы входит, и хотелось бы их реализации. Основная проблема, волнующая меня — институционализация российских властных элит после краха социализма. Как это происходит, какие факторы и каким образом влияют на этот процесс, как изменяется бассейн рекрутирования, какие существуют фундаментальные основания существования и функционирования властных элит — далеко не полный набор вопросов, на которые хотелось бы ответить. О теоретических ориентирах я уже ранее говорил. Более подробно сейчас говорить преждевременно. Надо сделать, а уж потом обсуждать и рассуждать.

В чем Вы видите прикладное, управленческое значение исследований политической элиты в России?

Приведу пример. В 1998 г. мы провели опрос элит Петербурга и Ленинградской области на предмет выявления их ценностных ориентаций в экономике, политике, социальных отношениях. Результаты исследования отдали немецкому заказчику, который, скорее всего, как-то данные использовал, тем более, что Фонд Эберта — не научный. Потом, поскольку материалы не были закрытыми, я передал отчет в Смольный, в администрацию города с целью заинтересовать их в сотрудничестве, в исследованиях. Там сказали, что это замечательно, очень интересно, но заказывать такую работу и платить деньги они не могут. Действительно, зачем тратиться на то, что чиновникам разного уровня и так понятно. У нас весьма некомпетентное политико-административное руководство, которое, тем не менее, обладает большим самомнением, самодостаточностью и высокомерием. Оно не готово взаимодействовать с научным и экспертным сообществом, если деятельность последних не направлена на повышение манипулятивной результативности и стабилизацию неэффективного режима.

Наши исследования, к тому же, могут представлять и известную опасность: вдруг публика увидит голого короля. В 2008 г. мы (авторы — пять сотрудников сектора) опубликовали достаточно большой текст (7 печатных листов) об инновационном потенциале российских региональных элит. Выводы у нас получились не обнадеживающие. В 2010 г. в институте вышла книга «Условия и возможности консолидации российского общества». Наш сектор написал больше половины текстов. Вкратце — вероятность авторитарной консолидации больше, чем демократической. Немаловажное значение имеет качество элит — их структурные характеристики, ценностные ориентации. Принять эти выводы можно, если есть желание изменить ситуацию и использовать полученные результаты. Но это не очень просматривается «в верхах».

Понятно, что «приложить» эти данные, знания может открытая элита и гражданское общество, которое, говоря словами Карла Маркса, перешагнуло стадию «в себе» и достигло состояния «для себя». Но до этого еще далеко.

Как конкретно можно «приложить». Результаты исследований структуры элитных групп, их внутренних норм и ценностных ориентаций могут, например, помочь в прогнозировании и корректировке политики властных групп и возможных ее результатов, в выявлении латентных внутриэлитных конфликтов, что важно как для акторов, стремящихся к стабилизации иерархических структур и существующего политического курса, так и для контр-элит и общественных

движений. Напомню, что в концепции структур политических возможностей одним из существеннейших факторов является внутриэлитный раскол. Но еще раз повторю, для приложения необходимо желание потенциальных прилагателей.